

© 2004 г. Т.И. ВЕНДИНА

**ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ
(ПРОБНЫЙ ВЫПУСК): ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ**

XX век в истории русской диалектологии ознаменовался двумя крупномасштабными научными проектами - Словарем русских народных говоров (СРНГ) и Диалектологическим атласом русского языка (ДАРЯ). Реализация этих проектов дала толчок рождению еще одной идеи - создания Лексического атласа русских народных говоров, работа над которым завершится уже в XXI веке.

Словарь русских народных говоров сыграл чрезвычайно важную роль в развитии отечественной диалектной лексикологии. Обобщив разбросанные по многочисленным источникам сведения по диалектной лексике, собранной русскими диалектологами более чем за 170-летний период (с начала XIX в. до наших дней), Словарь стал одним из крупнейших компендиумов диалектной лексики русского языка. Несмотря на то, что СРНГ является словарем дифференциального типа и по замыслу его авторов "системные связи и противопоставления не будут в нем представлены в полном объеме" [Сороколетов 1978: 13], он хотя и не полностью, но все-таки выявил границы распространения диалектных слов, наглядно показав существование диалектных различий русских говоров на уровне лексики и словообразования. Кроме того, материалы Словаря реально доказали, что так называемая "общенародная лексика" по сути своей не является общенародной, так как часто используется лишь в некоторых областях России.

Чрезвычайно важной для развития отечественной диалектологии явилась и публикация Диалектологического атласа русского языка, работа над созданием которого планомерно началась с 1945 г. "Существенной особенностью Атласа, - писали его составители, — является то, что в нем равное внимание уделяется всем сторонам языка: словарному составу, грамматическому строю, фонетической системе" [Атлас... 1957: 14]. Раздел "Лексика" в "Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка" занимает довольно скромное место (он содержит 154 вопроса, из которых 52 относятся к семантике ряда слов, большей частью архаизмов), что было связано с общим уровнем развития диалектологии, и прежде всего с недостаточной изученностью диалектной лексики к моменту составления этой Программы, отсутствием соответствующих монографий, а главное - необходимого количества диалектных словарей, равномерно представляющих основные группы говоров. Именно поэтому "круг вопросов, включенных в раздел лексики, оказался довольно случайным и не связанным с изучением лексики как системы", - писал один из основателей этого Атласа Р.И. Аванесов. Лексических карт в Атласе "могло бы быть значительно больше, если бы лексика русских диалектов была в большей степени изучена ко времени составления программы". Завершая свои размышления по этому поводу, он, однако, замечает, что "в дальнейшем, по мере развития монографического изучения лексики русских диалектов и выявления словарных и семантических диалектных различий, возможно создание новой серии атласов русских говоров, посвященных лексике и семантике" [Атлас... 1957: 8].

В опубликованной сегодня первой части III тома ДАРЯ, посвященного лексическому уровню языка, представлено всего 75 карт, большую часть которых составля-

ют собственно лексические карты, подготовленные по материалам ономаσιологического раздела "Программы" ДАРЯ, и значительно меньшую часть - семантические. Карты, представленные в этом выпуске ДАРЯ, охватывают фрагменты следующих тематических групп лексики, относящейся к традиционной материальной культуре: 1) постройки и их части (например, названия крестьянского жилища, хода в подполье, построек и помещений для скота при доме, построек для зерна, хозинвентаря и кормов и др.); 2) домашняя утварь (например, названия колыбели, посуды, в которой замешивают тесто, ковша, глиняной посуды для молока, орудия для выколачивания белья при стирке, названия ухвата, сковородника и др.); 3) одежда (например, названия верхней мужской одежды, заплат, вязаных, кожаных или матерчатых рукавиц и др.); 4) пища (названия каши из муки); 5) сельскохозяйственные орудия (например, названия цепа, косы и их частей); 6) полеводство и огородничество (например, названия малых и больших укладок снопов в поле, построек и сооружений для сушки снопов, жердей, скрепляющих укладку снопов, всходов зерновых культур, глаголы со значением 'пахать' и 'бороновать', общее название сжатого поля, а также сжатого поля после различных зерновых культур, значение слова *жито*, названия коллективной помощи в сельской работе, слова, обозначающие период работы без перерыва и др.); 7) животноводство и птицеводство (например, способы наименования лошади в начальные периоды ее жизни, названия петуха, цыплят, прилагательные *жерёбая*, *суягная* и их соответствия, глаголы *ржать*, *мычать*, *блеять*, *лаять* и их соответствия, подзывные слова для лошадей и коров т.д.). Общее количество карт ДАРЯ определялось, естественно, не столько возможностями материала, сколько условиями публикации. Понятно, что это лишь малая часть того лексического богатства, которое предстоит еще выяснить.

Оба проекта оказали несомненное влияние на развитие всей русской диалектологии, более того, они явились базой для рождения нового крупномасштабного проекта общенационального масштаба - Лексического атласа русских народных говоров.

Возникновение этого замысла во многом определялось и общим направлением развития славянской лингвистической географии, появлением во многих странах не только общелингвистических атласов, но и атласов, посвященных изучению отдельных языковых уровней, и в частности лексики и словообразования, ср., например, "Атлас словацкого языка" (3 и 4 тома которого посвящены лексике и словообразованию), Закарпатский лексический атлас И.А. Дзендзелевского, "Лексический атлас Правобережного Полесья" Н.В. Никончука или "Лексический атлас гуцульских диалектов украинского языка" Я. Ригера, наконец, пятитомный "Лексический атлас белорусских народных говоров". Таким образом, рождение идеи создания Лексического атласа русских народных говоров было подготовлено всем ходом развития как отечественной, так и зарубежной диалектологии.

Лексикографическое и монографическое изучение диалектной лексики, особенно интенсивно проходившее во второй половине XX в., существенно расширило представления о составе и характере диалектных различий на уровне лексики и словообразования. Оно позволило выявить не только структуру многих семантических групп, но и уяснить, в каких семантических сферах языка эти диалектные различия возникают чаще всего и с чем они оказываются связаны - с разным обозначением тех или иных понятий, с разной морфемной структурой однокоренных слов, с разной семантикой одних и тех же слов или наличием ~ отсутствием тех или иных слов при обозначении реалий внешнего мира.

Лингвогеографическое же изучение диалектной лексики (см., например, "Лексический атлас Московской области" А.Ф. Войтенко (Ивановой) или "Лексический атлас Архангельской области" Л.П. Комягиной) показало, что "отражение на карте лишь ареалов отдельных слов, диалектных по звуковой форме или по значению, не отвечает современному состоянию диалектологии и диалектной лексикологии как сугубо атомарный по подходу" [Мораховская 1994: 18].

Благодаря этим исследованиям в отечественной диалектологии укреплялась идея перспективности изучения лексики методами лингвогеографии, необходимости со-

здания лексического атласа общенационального масштаба, и вместе с тем росла убежденность, что этот атлас должен быть построен на принципиально новых методологических началах.

Идея создания Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) родилась еще в 70-е годы, когда на совещании по Общеславянскому лингвистическому атласу, проходившему в Ленинграде, И.А. Попов выступил с докладом, в котором, обосновывая необходимость изучения диалектной лексики в лингвогеографическом аспекте, предложил развернуть работу по созданию Лексического атласа русских народных говоров. Уже тогда было очевидно, что отечественная диалектология не располагает сведениями о диалектных различиях на уровне лексики, данные о которых в большинстве своем носили обрывочный характер. Однако более важными оказались тогда экстралингвистические факторы, чем собственно научные, и реализация этой идеи отодвинулась на двадцать с лишним лет. За это время в силу естественных языковых процессов многое в диалектах было утрачено, а из науки и из жизни ушло много по-настоящему талантливых диалектологов, любивших и умевших по достоинству оценить диалектное слово. И в этом смысле судьба диалектной лексикологии и лингвогеографии оказалась сегодня безысходной, если не сказать трагической, учитывая стремительное разрушение диалектов под натиском волн литературного языка.

Работа над ЛАРНГ развернулась лишь в 90-е годы, когда тема была включена в Комплексную программу исследований Академии наук "Русский язык" (хотя еще в 1974 г. был опубликован Проспект Лексического атласа русских народных говоров). В 1994 г. были изданы Проект и Программа ЛАРНГ (Лексический атлас русских народных говоров. Проект / Отв. редактор И.А. Попов. СПб., 1994. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Часть 1-2 / Отв. редактор И.А. Попов. СПб., 1994).

За эти десять лет было немало сделано для реализации этой идеи, а главное - была создана концепция и программа ЛАРНГ, подготовлен пробный выпуск. Значение этого атласа для отечественной диалектологии определяется, с одной стороны, спецификой объекта исследования, с другой - самого жанра исследования, с третьей - спецификой методики исследования, а с четвертой - спецификой способа исследования, а точнее способа репрезентации материала на карте.

С п е ц и ф и к а о б ъ е к т а исследования - картографирование основных звеньев словарного состава русских народных говоров - определяет значение ЛАРНГ не только для русистики, но и в целом для славистики, поскольку впервые русский диалектный материал может быть рассмотрен в восточнославянском и шире - в общеславянском контексте, чему способствует сама Программа ЛАРНГ, при составлении которой учитывались Программы белорусского и украинского лексических атласов, а также Общеславянского лингвистического атласа.

С п е ц и ф и к а ж а н р а исследования - лексический атлас - связана с особым отношением к фактической базе ЛАРНГ, поскольку обычно в лингвистических атласах предметом картографирования являются диалектные различия, предварительно уже установленные в ходе изучения соответствующих диалектов (ср. в связи с этим слова Л.Л. Касаткина, который, определяя специфику диалектологического атласа, пишет, что "атлас диалектологический дает сведения о территориальном распределении заранее известных явлений" [ЛЭС: 51]). Что касается лексического атласа, то здесь такого ограничения нет, поскольку на сегодняшний день мы не располагаем информацией не только об ареалах многих диалектных слов (особенно об их семантической структуре), но и самом их инвентаре: "из общего количества известных по областным картотекам и словарям диалектных слов (около 250 тыс.) изогlossы определены едва ли для 1% (карты ДАРЯ и некоторые другие источники)" [ЛАРНГ. Проект 1994: 5]. Таким образом, создание Лексического атласа русских народных говоров является одной из актуальных задач русской диалектологии. И не только потому, что нам неизвестны границы распространения многих

диалектных слов, но и потому, что на современном этапе развития социальной жизни процессы изменения говоров, утраты в них специфически диалектного протекают особенно интенсивно (в связи с чем собирание материала должно проводиться по максимально полной программе).

Специфика способа исследования — компьютерное картографирование — дает возможность оперативно вести обработку материала по любому из задаваемых параметров, обеспечивая надежность и проверяемость картографируемых фактов, а главное — автоматическое создание карты. При этом компьютерная программа ЛАРНГ позволяет не только автоматически картографировать материал, но и проводить с ним всевозможные ареалогические манипуляции: разгружать и упрощать карту, представляя на ней лишь одно диалектное различие, определять ареал того или иного картографируемого слова, выделять этот ареал с помощью иного картографического средства — заливки или штриховки и т.д. Поэтому к каждой карте может быть легко создана карта-дубль (в Пробном выпуске ЛАРНГ содержится несколько таких карт), представляющая самые важные, с точки зрения автора, диалектные различия, которые впоследствии получат отражение на сводной карте изоглосс.

Компьютерная форма хранения и обработки материала помогает не только осуществлять автоматическое создание любой карты (что даст, несомненно, мощный толчок развитию лингвогеографических исследований, и в частности созданию региональных атласов с помощью компьютерной технологии), но и дает возможность шире использовать статистические и автоматические методы исследования для решения проблем лингвогеографии.

Специфика методики исследования — системный подход к отбору, интерпретации и картографической репрезентации материала, который неоднократно был опробован и прекрасно себя зарекомендовал во многих монографических, лексикографических исследованиях диалектной лексики¹, а также в Программах Лексических атласов белорусского и украинского языков. Использование этого подхода диктовалось, с одной стороны, современной методикой изучения словарного состава территориальных диалектов, а с другой — требованиями лингвистической географии, объектом картографирования которой являются не разрозненные, а системные факты.

По замыслу создателей ЛАРНГ, он должен "показать в пространственной проекции основные звенья словарного состава русских народных говоров — лексические и семантические различия в организации тематических и лексико-семантических групп, семантическую структуру слова, особенности диалектного словообразования" [ЛАРНГ. Проект 1994: 5]. При этом в отличие от широко распространенной традиции в славянской лингвогеографии (в том числе и в русской) в Атласе должно уделяться "равное внимание любому члену диалектного различия, независимо от того, представляет ли он собственно диалектную лексическую единицу или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка и общерусского просторечия" [Попов, Азарх, Вендина, Герд, Мораховская, Петрова 1993: 329]. Именно с этих позиций и создавалась Программа и концепция ЛАРНГ. Впервые она была доложена широкой научной общественности на XI Международном съезде славистов в Братиславе в 1993 г., где был представлен совместный доклад инициативной группы атласа, входящей в его Оргбюро, в составе Попова И.А., Азарх Ю.С., Вендиной Т.И., Герда А.С., Мораховской О.Н., Петровой З.М. Концепция атласа получила одобрение научной общественности. Позднее (в 1994 г.) она была изложена в Проекте ЛАРНГ, в написании которого участвовал тот же коллектив авторов.

Программа ЛАРНГ была подготовлена на основе обширных материалов СРНГ и его картотеки, других областных словарей, а также монографических и диссертаци-

¹ См., например, работы [Вопросы теории... 1962; Толстой 1969; Клепикова 1968; 1974; Гриценко 1984; Мораховская 1985; 1988] и др.

онных исследований по диалектной лексике, кроме того, она учитывала и опыт предшествующих диалектологических программ и прежде всего "Программы собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка", "Пособия-инструкции для подготовки и составления региональных словарей русского языка", "Программы собирания сведений для региональных словарей и атласов" и др. Все эти исследования создали ту базу, без которой невозможно было начать работу над этим проектом ранее.

Говоря о новациях ЛАРНГ, следует прежде всего сказать о принципе системности, который был положен в основу концепции атласа и который последовательно представлен как в самом отборе материала, так и его картографической репрезентации.

Несмотря на то что идея системного подхода к лингвогеографическому изучению диалектной лексики является уже далеко не новой (ср. в связи с этим замечания Р.И. Аванесова, высказанные им в предисловии к [Атлас... 1957: 8]: "В настоящем атласе делается попытка картографировать не произвольно оказавшиеся в поле зрения составителей факты языка, а языковые явления как элементы системы языка или, во всяком случае, в связи с системой языка"), системный подход к отбору и интерпретации материала не мог быть реализован ранее вследствие недостаточной изученности диалектной лексики, отсутствия необходимого количества диалектных словарей, равномерно представляющих основные группы говоров, и как результат этого - неизученности словарного состава диалектного языка как системы. Даже в 60-е годы, когда наблюдается оживление идеи исследования диалектного слова методами лингвогеографии, ситуация в принципе не меняется, о чем пишут и авторы коллективной монографии "Вопросы теории лингвистической географии", ср. в связи с этим следующее высказывание Р.И. Аванесова: "Словарный состав языка, как и все другие его стороны, образует систему. Слова одной системы (например, диалекта) по своим значениям и структуре связаны друг с другом. Они могут образовывать определенные семантические группы. Одни слова данной частной языковой системы могут быть связаны с другими словами той же системы по признаку тождественности, близости или противоположности значения, по признаку разграничения слов в разных сферах языковой деятельности. Появление в данной частной языковой системе нового слова может вызвать утрату имевшегося ранее в этой системе своего слова с тем же значением или семантическую дифференциацию в употреблении своего и заимствованного слова и т.д. Однако проблема изучения словарного состава как системы даже в пределах одной частной разновидности языка (например, в пределах одного диалекта) изучена еще очень слабо. Тем более не изучена она в более широких границах языка как целого, как системы частных языковых систем, где предметом изучения должно быть не только функционирование слова в каждой из частных языковых систем, но также и соотношение соответственных лексических элементов разных частных систем. Поэтому до настоящего времени практически в диалектологии вообще и в лингвистической географии в частности приходится изучать отдельные частные лексические диалектные различия, нередко малосвязанные или вовсе не связанные друг с другом" [Вопросы теории... 1962: 150].

Вот почему в ДАРЯ на первоначальном этапе работы над атласом системный подход к отбору материала не предусматривался, о чем пишет О.Н. Мораховская во введении к лексическому тому атласа: "Хотя лингвогеографическое изучение лексики диалектов требует системного подхода не в меньшей степени, чем материал фонетики и грамматики, сама возможность такого подхода не предусматривалась в начале работы над атласами (на этапе подготовки программы собирания материалов). Она выявилась уже в процессе работы с материалом в осмыслении той сложности, которую представляет сам объект - его вариативности, динамизма лексических номинаций, высокой степени проницаемости в результате взаимовлияния разных коммуникативных систем" [ДАРЯ 1996: 31].

Однако общий уровень развития сегодня лексикологии и лингвогеографии, утверждение идеи системности в организации словарного состава языка как в отечест-

венной, так и зарубежной лингвистике (осмысление словарного состава языка как лексико-семантической системы, разработка теории лексико-семантических групп, тематических групп, семантических полей, выявление типологии диалектных различий лексико-семантического уровня) вызвали и в диалектологии подъем лексикологических исследований, ориентированных на выявление системных отношений, что позволило постепенно преодолеть научный скепсис в правомерности применения понятий "системы" и "системности" к диалектной лексике и семантике и вновь обратиться к идее реализации системного подхода в отборе и картографической репрезентации материала в лексическом атласе. В этой связи следует указать на работы Н.И. Толстого (и прежде всего на две его статьи, появившиеся в 60-х годах в "Вопросах языкознания", посвященные типологическому исследованию славянского словарного состава), сыгравшие важную роль в разработке концепции Атласа².

В этих работах Н.И. Толстой предложил новый подход к изучению системных отношений в лексике и показал, как, используя системный принцип исследования диалектной лексики, можно глубже понять структуру и типологию диалектных различий. Введя в научный обиход понятие семантического микрополя как амплитуды колебаний значения одной лексемы в пределах исследуемого диалектного континуума, он на конкретных примерах продемонстрировал методологию построения сетки-модели семантического микрополя и достоинство системного подхода при изучении принципов организации диалектного словаря и выявлении структурно-семантических различий. На фоне этих исследований еще ярче обнаружилось несовершенство атомарного принципа отбора диалектного материала, когда в центре внимания исследователя были одиночные, нередко случайно выбранные лексемы, что нередко приводило к непреодолимым затруднениям при лингвогеографическом изучении лексики (ср. в связи с этим детальный разбор Н.И. Толстым Программ трех диалектологических атласов - русского (ДАРЯ), украинского (АУМ) и белорусского (ДАБМ) -, содержащийся в его статье "Из опытов типологического изучения славянского словарного состава (I)", где он доказывает несовершенство этого атомарного подхода, когда во внимание принимались лишь дифференциальные признаки и игнорировались интегральные). Системный подход к отбору материала при разработке лексического раздела этих программ, как уже отмечалось, не мог быть в то время успешно реализован вследствие недостаточной изученности диалектной лексики и отсутствия большинства диалектных словарей, репрезентирующих основные группы говоров, поэтому и круг вопросов, включенных в программы, оказался неполным и не связанным с изучением лексики как системы³.

² О том, что эти работы не утратили своего теоретического и практического значения для современной диалектологии свидетельствует статья Г.П. Клепиковой [Клепикова 1999: 64], в которой дается оценка этих работ, а также самого метода построения "семантического поля" в свете новых исследований по лингвогеографии.

³ Не могу в связи с этим не привести слова В.Г. Орловой, которая в главе "Подготовка и построение диалектологического атласа" в монографии [Вопросы теории... 1962: 180-181] пишет: "Однако тому, чтобы раздел лексики также основывался на подходе к изучению языка как системы, мешало отсутствие соответствующих монографий лексического характера и достаточно-го числа диалектных словарей, равномерно представляющих основные группы говоров. Лишь разработанные на должной научной основе диалектные словари могли бы дать представление о составе семантических групп словаря различных говоров. Монографическое изучение лексики должно было бы, в свою очередь, дать основу для выявления структуры этих семантических групп, показать удельный вес диалектных различий разного типа и то, с какими разделами словаря эти различия связаны... В связи с отсутствием монографических исследований, посвященных лексике говоров, круг вопросов, включенных в раздел лексики, оказался довольно случайным, неполным и не связанным с изучением лексики как системы... И эта неполнота и случайность материала по отношению к основным семантическим группам словаря русских народных говоров остаются недостатком программы и составляемых на ее основе атласов".

Вместе с тем следует отметить, что общий подъем лексикологических исследований в области диалектологии, успехи, достигнутые русской и славянской лингвистической географией в картографировании диалектных различий на уровне лексики и словообразования (см., например, работы О.Н. Мораховской, Г.П. Клепиковой, В.Е. Гольдина, П.Е. Гриценко и др., в которых разрабатывалась методика использования идеи семантического микрополя при изучении лексико-семантических явлений в диалектном языке) убедительно доказали, что широкий круг проблем, связанных с пространственным изучением лексико-семантического уровня языка, может быть решен только при условии всестороннего охвата диалектного материала и более углубленного подхода к его собиранию и описанию.

Со всей очевидностью стало ясно, что должен быть преодолен существовавший долгое время в диалектной лексикографии и лингвогеографии дифференциальный подход к лексикографическому и картографическому освоению диалектной лексики, поскольку он "не дает возможности рассматривать диалектную лексику в системном плане и затрудняет, а иногда и делает невозможным ее исследование в сравнительно-типологическом" [Толстой 1997: 245]: при таком подходе предметом внимания диалектологов являются лишь регионализмы, слова же, имеющие общерусское распространение в исследовании не учитываются, потому что априори принимается презумпция повсеместного распространения литературной лексики. Это отсутствие в большинстве диалектных словарей и атласов литературной лексики не позволяет выявить ареалы литературных слов и тем самым определить направление диалектных потоков в истории литературного словаря. Между тем публикация "Лексического атласа белорусских народных говоров" показала, что "презумпция повсеместного распространения литературной лексики оказывается справедливой далеко не для всех слов литературного языка, достаточно широкий круг слов литературного языка оказывается связанным с определенными диалектными ареалами" [Толстая 1995: 263]. Проведенный СМ. Толстой анализ карт "Лексического атласа белорусских народных говоров" в плане ареального соотношения литературной и диалектной лексики показал, что на картах отчетливо обнаруживаются две крайних ситуации, а именно: "полное отсутствие или спорадичность литературного слова на диалектной карте и повсеместное, практически не ограниченное распространение слова, при котором другие диалектные лексемы оказываются лишь вкраплениями" [Толстая 1995: 264]. В связи с этим при обсуждении Программы ЛАРНГ решено было отказаться от дифференциального подхода и положить в ее основание системный подход к отбору, интерпретации и картографической репрезентации материала.

Системный подход предполагает прежде всего одинаковое внимание к любому члену диалектного различия, будь то собственно диалектная лексическая единица или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка и общерусского просторечия. Включение в Программу лексики литературного языка мотивировалось не только требованием системности, но и самой языковой логикой, так как эта лексика образует основной костяк народного словарного запаса, игнорировать который было просто нерационально. Кроме того, снятие этих ограничений давало возможность исключить искусственные лакуны в составе Программы, которые неизбежно возникают при дифференциальном подходе.

Поскольку основными понятиями общей теории систем являются "целостность", "элемент", "структура", "связи", системный подход при лингвогеографическом изучении диалектной лексики, в отличие от дифференциального подхода, предполагает не только равное внимание к любому члену диалектного различия, но и внимание к тем отношениям и связям элементов системы, которые пронизывают всю лексику языка, ибо в самом характере отношений этих элементов отражается своеобразие восприятия мира, процесса установления связей его объектами.

Поэтому реализация системного принципа в отборе картографируемого материала потребовала, с одной стороны, существенного увеличения объема вопросника, а с другой - учета системообразующих связей лексических единиц, поскольку любая си-

стема являет собой внутренне организованную совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Внимание к системообразующим связям лексических единиц предполагает выявление семантической структуры как отдельного слова, так и лексико-семантических групп, выделения тематических групп, семантических микрополей, словообразовательных гнезд и т.д. При этом следует особо отметить, что учет этих системных отношений в лексике реализовывался уже на самом начальном этапе работы над ЛАРНГ, при разработке его Программы, так как "отсутствие заранее запрограммированной семантической сетки с максимальным набором дифференциальных признаков может привести к опущению важного материала" [Толстой 1963: 29].

Подход к языку как к системе при разработке Программы выразился и в том, что в ней последовательно проводилось разграничение собственно лексических фактов и фактов, относящихся к другим сторонам языка.

По замыслу создателей этого атласа, он должен показать пространственную стратификацию основных звеньев лексической системы русских народных говоров (лексические и семантические различия в организации тематических и лексико-семантических групп, различия в семантической структуре слова, в диалектном словообразовании, в мотивационных признаках, способах номинации и т.д.).

Понятно, что ввиду обширности лексической системы ни один атлас не может во всей полноте отразить системный характер лексики диалектов того или иного национального языка. Реально возможным для него является изучение определенного (но все-таки довольно широкого) круга тематических, лексико-семантических, словообразовательных групп и семантической структуры отдельного слова. Именно по этому пути и пошли создатели Программы ЛАРНГ, и в этом смысле они учли опыт ДАРЯ, который показал, что "программа для собирания лексических данных должна была бы по возможности равномерно... отразить основные семантические стороны словаря" [Вопросы теории... 1962: 180].

Программа ЛАРНГ включает более 5 000 вопросов, касающихся лексики, типичной для социального уклада, среды обитания и быта сельских жителей и отражающей специфику русской языковой картины мира. Такое значительное количество вопросов должно существенно увеличить возможность выявления системообразующих связей в лексике говоров.

В основу составления вопросника был положен критерий значимости реалии в традиционной материальной и духовной культуре. Ввиду обширности макросистемы диалектного языка (территориальные границы атласа, насчитывающего 1064 пункта, простираются от Белого до Черного моря, а на востоке - до Урала, т. е. они значительно шире, чем в ДАРЯ и русской части О Л А) Программа строится по тематическому принципу, что само по себе способствует восприятию материала в этнокультурном контексте, поскольку подспудно выявляет материальные и духовные ценности русской традиционной культуры. Она состоит из следующих крупных разделов - **природа, человек, трудовая деятельность, материальная и духовная культура, питание, пути сообщения и средства передвижения**. Внутри этих разделов выделяются более узкие тематические группы, большая часть которых будет представлена отдельными томами ЛАРНГ. Вопросы формулируются от значения к слову и от слова к значению, что дает возможность выявить структурно-семантические и деривационные различия диалектного слова.

Особо следует выделить раздел традиционная **духовная культура** (верования, обряды, праздники и развлечения, игры), который, как правило, отсутствует в программах многих атласов. Между тем включение этого раздела в Программу ЛАРНГ определялось не только его значимостью для языкового сознания русского народа, но и все тем же принципом системности, так как, давая представление о материальной культуре русского народа, мы должны были отразить в атласе и элементы его духовной культуры.

Ориентация ЛАРНГ на традиционную лексику крестьянского быта и культуры, по замыслу его создателей, должна способствовать более глубокому постижению связей языка с конкретными формами быта, хозяйства и духовной культуры русского народа.

Стремясь преодолеть традиционный недостаток многих лингвогеографических программ, связанный "с частой семантической несоотнесенностью атомарно взятых лексем, с различной широтой семантического спектра или объема одной и той же лексемы в разных диалектах" [Толстой 1963: 39^40], составители Программы использовали методику системного анализа и при формулировке вопросов учитывали не только дифференциальные, но и интегральные семантические признаки, лежащие в основе формирования лексико-семантических микрогрупп: например, в лексико-семантической группе 'лес' принимались во внимание такие семантические признаки, как *возраст леса (молодой или старый)', 'густота (густой или редкий лес)', 'качество произрастающих в нем деревьев' (например, большой или здоровый лес, прямой строевой или кривой нестроевой и т.д.), 'преобладающая в нем порода деревьев', 'высота произрастающих в нем деревьев', 'размер леса', 'место произрастания' и др.), поэтому, кроме **общего названия леса**, в Программу были включены следующие вопросы: '**лиственный лес**' (*гай, дубровник, мигловник, помора...*), '**хвойный лес**' (*борон, игольник, ревка, чернолесье...*), '**смешанный лес**' (*бель, разнолесье, рамень*), '**лес, роща с преобладанием деревьев одной породы**' (*березы, дуба, ели, ивы, кедра, осины, сосны*); '**молодой лес из деревьев разных пород**' (*дубна, мелкая, мелятник, росляк, молочник...*); '**молодая поросль деревьев преимущественно одной породы**', '**старый лес из деревьев преимущественно одной породы**', '**старый лес из деревьев разных пород**', '**редкий лес**' (*жидняк, поред, поредье, редашка...*), '**густой лес**' (*густарник, займище, ромень, трущоба...*), '**чаща, дремучий лес**' (*арема, глушиник, дрем, дурман, дэбря...*), '**здоровый, высокий, прямой строевой лес**' (*болонки, бревенник, избняк...*), '**больной, низкий, кривой нестроевой лес**' (*вакорник, вилажник, дровняк, кренюжник...*), '**мертвый лес с засохшими на корню деревьями**' (*мертвяк, сухара, сушник...*), '**мелкий лес, мелколесье**' (*ерник, малега, малоросник, мелкач, пасек...*), '**высокий лес с большими деревьями**' (*взводистый лес, жаровой лес, кондовый лес...*), '**горелый, выгоревший лес**' (*гарник, паль...*), '**лес, выросший на пожарище**' (*гарь*), '**большой, обширный лесной массив**' (*бор, ройник, урман...*), '**небольшой лесок, роща**' (*боровинка, гаек, малолесье, околок...*), '**лес, растущий на болоте**' (*болотняк, лядо, парма, рям...*), '**лес, растущий по берегам рек**' (*бережина, паберега, прибрежник, урема...*), '**лес, растущий на возвышенности**' (*грива, урема...*), '**поваленный бурей лес**' (*бурелом, валеж, ветробой, ветровал, залом, повалесье...*), '**сломанное бурей дерево**' (*буреломник, ветроломина, вихроломина*), '**сухое дерево**' (*жарина, засушина, сушина, сухара...*), '**сухая вершина дерева**' (*голубняк, жарник...*) и т.д.

Из приведенного отрывка Программы видно, что системный принцип отбора материала проявился и в том, что при формулировке вопросов учитывалась специфика регулярных парадигматических и синтагматических связей в лексике, которые строятся на принципах подчинения и соподчинения (родо-видовые и совидовые отношения), равнозначности (или синонимии), противоположности (или антонимии), целого и его части (или партономии). Поэтому вопросник Программы включает родовые и видовые наименования, совидовые наименования с противоположными значениями, названия целого и его частей, т.е. все то, что входит в понятие системных отношений.

Таким образом, в Программе нашли отражение, с одной стороны, внелингвистические признаки (взаимосвязанные природные или социальные явления), а с другой - собственно лингвистические (разнообразные дифференциальные и интегральные признаки слов, входящих в одну лексико-семантическую группу или семантическое поле), что позволило последовательно провести принцип системности в отборе картографируемого материала.

Еще раз подчеркну, что такая Программа могла быть создана только лишь на современном этапе развития отечественной диалектологии, когда благодаря много-

численным диссертационным и монографическим исследованиям диалектной лексики сложились определенные представления о типах лексико-словообразовательных и семантических различий (не случайно многие разделы Программы были написаны авторами, имеющими монографии или диссертации по соответствующей тематике), поэтому создание Программы явилось своеобразным итогом предварительного изучения диалектной лексики.

По замыслу создателей атласа, ЛАРНГ будет отличаться от существующих на сегодняшний день атласов (как собственно лексических, так и региональных) и типами предусматривающихся в его составе карт.

Кроме традиционных **лексических** и **лексико-словообразовательных карт**, построенных по ономазиологическому принципу (т.е. от значения к слову) и репрезентирующих территориальное распределение названий одного и того же объекта номинации (будь то предмет в широком смысле этого слова, явление, действие или признак), типичный для него состав корневых морфем, формантов и способ деривации, он будет включать **лексико-этнографические карты**, построенные также по ономазиологическому принципу, но осложненные этнографическими данными. Коллектив ЛАРНГ, создавая его вопросник, старался придерживаться принципа, провозглашенного в свое время Р. Мерингером, "не отрывать слова от вещи", поэтому на картах этого типа будет использован предложенный Н.И. Толстым метод параллельного представления изоглосс и изопрагм: фоном на этих картах будут переданы этнографические различия картографируемой реалии, а знаками - различия языковые [в Пробном выпуске ЛАРНГ представлена такая карта, посвященная названиям разных типов гумен: открытое гумно (*ладонь, долонь, под, токовище, токовня, гувенник...*), закрытое гумно (*гумно, клуна, токовня...*)].

Другой отличительной особенностью ЛАРНГ является его этнолингвистическая ориентированность, т. е. в нем найдет картографическое выражение материал по духовной культуре русского народа, поскольку терминология духовной культуры, существующая в разнообразных "диалектных формах" (а это и обрядовая календарная, семейная, собственно мифологическая лексика, еще сохраняющаяся как в виде отдельных лексем, так и в составе фразеологических оборотов) включена в понятийно-языковой тезаурус атласа на равных основаниях с другими лексическими группами. Этот этнолингвистический подход в лингвогеографии должен проложить новые пути в картографической репрезентации диалектного слова, а создание **этнолингвистических карт** откроет новые перспективы в пространственной интерпретации "языка культуры".

Кроме того, в нем предусматривается большое количество **семантических** и **лексико-семантических карт**, построенных по семасиологическому принципу (т.е. от слова к значению) и призванных представить структурно-семантические и лексико-семантические различия: на семантических картах ЛАРНГ найдут отражение диалектные различия в значениях одного и того же слова (в случае полисемии) или же слов, имеющих одну и ту же звуковую форму (в случае омонимии), ср., например, разные значения слова *бирюк*, среди которых 'волк', 'медведь', 'барсук', 'угрюмый человек', 'злой человек', 'ленивый человек' и др., а также 'страшилище, которым пугают детей'; на лексико-семантических картах будут представлены структурные и пространственные отношения между разными словами, относящимися к таким объектам номинации, наименования которых находятся в парадигматических отношениях между собой и составляют ЛСГ или их фрагменты, ср., например, вопрос 'крестьянская жилая постройка', на который предполагается получить такие ответы, как *изба, хата, хоромы, курень, дом, жило* и др., при этом отношения между данными словами при их сосуществовании в одной и той же частной диалектной системе могут быть разными (например, *дом* 'хорошая постройка', а *изба* 'плохая или обычная постройка' или *дом* 'двухэтажная постройка', а *изба* 'одноэтажная постройка', *дом* 'усложненная постройка', а *изба* 'простая постройка' и т.д.), в связи с чем на карте получают отражение не только эти слова, но и разные отношения между ними.

Новацией ЛАРНГ является и большое количество предусматривающихся его Программой собственно **словообразовательных карт**. В отличие от ДАРЯ, в программе которого вопросам словообразования отводится довольно скромное место ("обычно в пределах лексической части вопросника предлагается выявить отдельные лексемы, которые могут иметь различные аффиксы, при этом словообразовательная дифференциация рассматривается в одном ряду с лексемной, а иногда и с фонетической дифференциацией" [Толстой 1997: 91]), в ЛАРНГ будут представлены синтетические словообразовательные карты, эксплицирующие различные словообразовательные типы, объединенные общностью словообразовательного значения (например, сингулятивного, пейоративного, мелиоративного и др. значений), или наоборот - типы словообразовательного значения дериватов с одним и тем же формантом (например, с суффиксом *-их-*), сводные карты словообразовательных моделей отдельных ЛСГ (например, группы названий, относящихся к молодой поросли деревьев одной породы или к одному отдельно растущему дереву определенной породы), карты, посвященные различиям в частеречной принадлежности производящих основ однокоренных дублетов (например, субстантивных и адъективных основ к производным *овсище* и *овсянице* или *ржище* и *ржанице*) и др.; **мотивационные карты**, задачей которых будет выявление различий в мотивировочных признаках как отдельных лексических дублетов (см., например, в Пробном выпуске ЛАРНГ мотивационные карты "Больной, низкий, кривой нестройной лес" и "Здоровый, высокий, прямой строевой лес"), так и ряда членов одной ЛСГ (например, подзывных слов домашних животных); **номинативные карты**, выявляющие различия в способах номинации реалий внешнего мира (см., например, в Пробном выпуске номинативную карту "Мертвый лес с засохшими на корню деревьями"); **историко-лингвистические карты** (лексические, семантические и словообразовательные карты), которые должны будут эксплицировать пространственно-временную динамику в лексике русских говоров (составление подобных карт возможно на основе сопоставления архивных опубликованных материалов, например, собранных для "Опыта диалектологической карты русского языка в Европе" (1915 г.), и современных); и, конечно, сводные, обобщающие **карты изоглосс**, выявляющие диалектное членение говоров русского языка по данным лексики и словообразования (подробнее см. [ЛАРНГ. Проект 1994: 56-65]).

Системный подход к диалектному материалу отразился не только в его отборе, но и в картографической репрезентации. Поскольку объектом картографирования является лексика, не имевшая ранее в большинстве своем точных территориальных координат, то при обработке материала и составлении карты автор учитывает весь материал карты (за исключением единичных или не соответствующих теме карты ответов), а не только тот, который логично укладывается в его концепцию, позволяя выделить четкие ареалы (и в этом также проявляется новация ЛАРНГ, для которого "любой тип лингвистического ландшафта представляет интерес, давая материал для интерпретации" [ЛАРНГ. Проект 1994: 57]).

Вместе с тем следует отметить, что весь этот материал автором определенным образом препарируется с целью выявления разного плана диалектных различий, что специально оговаривается в комментарии. Поэтому карты ЛАРНГ дают в руки читателя не "сырой" материал, который еще предстоит осмыслить и определенным образом классифицировать, а материал, подвергшийся дифференциации и авторской интерпретации. При этом к каждой карте прилагается сводный индекс материалов, который позволяет читателю не только проверить авторскую версию карты и оценить правомочность его решений, но и самому составить представление о характере диалектных различий.

Если же материал оказывается "пестрым" и не "ложится" на карту (поскольку, как заметили уже составители ДАРЯ, "группировка знаков на карте не во всех случаях дает основания провести изоглоссу, так как из числа отраженных на карте противопоставлений не все обладают достаточной определенностью территориального распространения, более того, может оказаться также, что на карте вообще не могут

быть выявлены достаточно определенные границы между разновидностями соответственного явления" [Бромлей, Булатова 1962: 210], автор может принять решение отвести его от картографирования (мотивируя, естественно, свое решение в комментарии) и представить лишь в виде сводного индекса.

При разработке картографической концепции ЛАРНГ создатели исходили из того, чтобы "план выражения (способы картографирования) с наибольшей рельефностью отражал план содержания (разные аспекты картографируемого явления в его структурных иерархических связях)" [Аванесов 1978: 20]. В основу этой концепции был также положен принцип системности, базирующийся на иерархии диалектных различий и позволяющий элиминировать все то, что не существенно для картографируемого вопроса (например, отражение на карте с помощью специальных графических средств элементов регулярной диалектной фонетики). С этой целью в ЛАРНГ была разработана такая система картографической репрезентации материала, которая учитывала бы взаимозависимость и типологическую соотношенность графических средств, когда выбор обозначения для первого члена ареальной оппозиции в инвариантном ряду предопределяет всю последующую композицию карты. Таким образом выдерживался принцип последовательной графической иерархии и соотносительности картографических средств.

Продумывая картографическую концепцию ЛАРНГ, составители опирались прежде всего на опыт славянской лингвогеографической школы, а также на опыт таких изданий, как Европейский и Общеславянский лингвистический атласы, в которых используется знаковая система картографических средств. Достоинство этой системы по сравнению с техникой изоглосс или фона, также использующейся во многих атласах, прежде всего в ее наглядности, в способности не только четко отразить на карте многоплановые диалектные противопоставления в пределах картографируемого слова, но и, что очень важно, привязать их к определенному населенному пункту, давая читателю возможность провести "паспортизацию" того или иного картографируемого слова. Именно поэтому было принято решение использовать в ЛАРНГ знаковую систему картографических средств, что, однако, не исключает применение различных видов штриховок, заливок или изоглосс с целью усиления наглядности карты в передаче многоплановых диалектных различий.

Система знаковой дифференциации каждой карты строится на противопоставлении геометрических фигур (круга, квадрата, треугольника, ромба, прямоугольника, трапеции, эллипса и др.), а также их внутренних и внешних модификаций (т.н. внутренних и внешних диакритик). Различия в конфигурации геометрических знаков сигнализируют об оппозиции первого уровня противопоставления (ср., например, различия в корневых морфемах, в значениях слова, в мотивационных признаках и т.д.), являющегося, как правило, основным для темы карты. Различия же во внутренних и внешних диакритиках одного и того же знака призваны передать противопоставления второго и последующего планов (различия в аффиксальных морфемах, лексико-семантических вариантах одного слова, в вариантных признаках и т.д.). Знаки могут употребляться как самостоятельно, так и вписываться в другую геометрическую фигуру (например, при передаче сложного слова). При картографировании описательных конструкций используются внешние либо внутренние диакритики, но, чтобы не перегружать карту, могут применяться и различные виды штриховок. Таким образом, картографический план подчинен раскрытию лингвистического содержания карт.

Картографическая концепция, лежащая в основе легенды каждой карты ЛАРНГ, дает возможность отразить разноплановые диалектные различия в картографируемых словах. Системный принцип картографирования позволил авторам представить на карте многоступенную противопоставленность различных сторон картографируемых лексем с учетом иерархии разнокачественных явлений. Иерархия и соотносительность систематизированных, графически однотипных знаков, используемых на карте, позволяет передать информацию самого разного уровня абстракции в зависимости от типа карты - мотивационного, семантического, лексического, словообра-

зовательного, морфологического, синтаксического - и тем самым повысить информативную нагрузку карты.

Системный принцип репрезентации материала в ЛАРНГ отразился и в разработке методики комментирования его материала. Каждую карту сопровождает комментарий, выполненный в соответствии с алгоритмом, единым для всех карт атласа. Он включает такие необходимые элементы, как объяснение проблематики карты, характеристику картографируемого материала и тех диалектных различий, которые получают отражение на карте, принятую систему картографических средств, указания на сомнительные названия, дисквалифицированные автором по разным причинам, замечания эксплораторов о тех или иных формах и другую информацию. Несмотря на известную унифицированность информации, требующей отражения в комментарии, следует отметить, что каждый комментарий является в сущности маленькой статьей, в которой излагаются вопросы, связанные с интерпретацией картографируемого слова (причем в ходе дальнейшей работы над ЛАРНГ и привлечения нового материала объем комментария будет, естественно, увеличиваться).

К комментарию прилагается иллюстративный материал, который имеет особую ценность, поскольку он позволяет читателю соприкоснуться "с жизнью слова" в диалекте и увидеть его в реальном контексте. И завершает комментарий алфавитный список картографируемых слов, который не только существенно облегчает пользование материалом атласа и прочтение карты, но и в сжатом виде предоставляет читателю информацию об ареалах картографируемых слов.

Новацией ЛАРНГ является и общий индекс всех материалов (в том числе и тех, которые не получили отражение на карте). Этот индекс материалов имеет самостоятельную ценность, так как он "паспортизирует" диалектный материал, позволяя читателю составить представление о локализации того или иного слова. А в том случае, когда автор по тем или иным научным соображениям отказывается от составления карты, он явится уникальным источником материала, который будет храниться в ЛАРНГ, "как цветы в гербарии", а впоследствии может стать основой для новых исследований.

Работа над ЛАРНГ - это коллективный труд сотрудников Академии наук России (Института лингвистических исследований и Института славяноведения), а также многочисленных вузов России (более 60 вузов, на базе которых созданы региональные диалектологические центры, в которых силами энтузиастов ведется большая диалектологическая работа по сбору и обработке материала). Несмотря на известные финансовые трудности, которые испытывает сегодня вся российская наука, работа над ЛАРНГ продвигается. Ежегодно, кроме общероссийского совещания диалектологов, участников атласа, устраиваются школы-семинары, на которых обсуждаются проблемы, связанные с картографической репрезентацией собранного материала, подготовкой к печати первого тома⁴.

В настоящее время подготовлен к печати Пробный выпуск ЛАРНГ. Основная цель этого выпуска - проверить и уточнить теоретические принципы, положенные в основу атласа, его картографическую концепцию, а также саму методику составления карт в компьютерном варианте. Компьютерная версия ЛАРНГ была разработана сотрудниками Университета геодезии и картографии на основе программы MAP-INFO, алгоритм картографической программы и система знаков - Т.И. Вендиной.

⁴ К настоящему времени опубликованы следующие исследования по Атласу: Лексический атлас русских народных говоров. Проект. СПб., 1994; Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Часть 1-2. СПб., 1994; Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1992 (СПб., 1994); 1993 (СПб., 1994); 1994 (СПб., 1996); 1995 (СПб., 1998); 1996 (СПб., 1998); 1997 (СПб., 2000); 1998 (СПб., 2001); X Всероссийское совещание по Лексическому атласу русских народных говоров. СПб., 1994.

В Пробном выпуске представлены лишь некоторые типы карт, а именно:

лексические: Л 218 Белка (автор Проценко Б.Н.), Л 217 Берлога (автор Проценко Б.Н.), Л 178 Дикое животное (автор Жмурко О.И.), Л 210 Издавать громкие, характерные для дикого кабана звуки (автор Вендина Т.И.), Л 211 Издавать громкие, характерные для лисы звуки (автор Вендина Т.И.), Л 188 Медведь (авторы Колокольцева Т.Н., Кудряшова Р.И.), Л 379 Мелкая рыба (автор Мызников С.А.), Л 216 Нора небольшого зверя (авторы Ганцовская Н.С., Лебедева И.В., Никулина Т.Е.), Л 212 Хорь (автор Жмурко О.И.), Л 173 Шампиньон (авторы Махрачева Т.В., Пискунова С.В.); лексико-словообразовательные: ЛСЛ 191 Большой медведь (автор Костючук Л.Я.), ЛСЛ 186 Волчий (хвост, след, мех) (автор Ховрина Т.К.), ЛСЛ 11 Густой лес (автор Лекарева Л.А.), ЛСЛ 12 Густые заросли кустарника (автор Костючук Л.Я.), СЛ 608 Иней (автор Попов И.А.), ЛСЛ 91 Кора березы (автор Осипова Е.П.), ЛСЛ 215 Кучка земли, нарытая кротом или другим роющим норы животным (автор Жуковская З.В.), ЛСЛ 28 Лес, растущий по берегам рек, озер (автор Ховрина Т.К.), ЛСЛ 189 Медведица (авторы Колокольцева Т.Н., Кудряшова Р.И.), ЛСЛ 190 Медвежонок (автор Казанцева Н.В.), ЛСЛ 16 Мелкий лес (автор Попов И.А.), ЛСЛ 34 Мертвый лес с засохшими на корню деревьями (автор Гришанова В.Н.), ЛСЛ 213 Мех, шкура хоря (автор Жмурко О.И.), ЛСЛ 20 Молодой лес из деревьев разных пород (автор Вендина Т.И.), ЛСЛ 183 Небольшой волк (уменьш.-ласк.) (автор Ховрина Т.К.), ЛСЛ 192 Небольшой медведь (уменьш.-ласк.) (автор Пецкая Т.А.), ЛСЛ 102, 103 Поляна, открытое место в лесу (автор Попов И.А.), ЛСЛ 10 Редкий лес (автор Пецкая Т.А.); **семантические:** СМ 187 Бирюк (зверь) (автор Вендина Т.И.), СМ 187 Бирюк (человек) (автор Вендина Т.И.); **словообразовательные:** СЛ 6 Лес, роща с преобладанием деревьев одной породы (автор Вендина Т.И.); **лексико-этнографические:** ЛСЛ 16333, 16334 Типы гумен (автор Попов И.А.); **мотивационные:** ЛСЛ 14 Здоровый, высокий, прямой строевой лес (автор Меркулова Л.И.), Л 15 Большой, низкий, кривой нестроевой лес (автор Гришанова В.Н.); **номинативные:** ЛСЛ 14 Здоровый, высокий, прямой строевой лес (автор Меркулова Л.И.), Л 34 Мертвый лес с засохшими на корню деревьями (автор Гришанова В.Н.).

Несмотря на то, что материал, представленный на картах, еще далеко не полный (и покрывает приблизительно 50% картографируемой территории), однако и в этом виде он позволяет проиллюстрировать разные подходы к его картографической репрезентации.

Пробный выпуск уже сегодня дает возможность оценить используемую в ЛАРНГ методику отбора, интерпретации и картографирования материала, который позволил реально представить всю лексико-семантическую глубину русского диалектного лексикона и сложность лингвистического ландшафта (и здесь следует прежде всего отметить его сильную расчлененность, подчас мозаичность и пестроту, наличие многочисленных островных ареалов - все это требует своего осмысления не только в социологическом, но и глоттогенетическом аспекте). Пробный выпуск свидетельствуют о том, что системный подход к отбору и картографической репрезентации материала полностью оправдал себя, открыв перед исследователями большие возможности в объективном решении целого ряда проблем современной диалектологии и в целом русистики:

1. Прежде всего следует отметить обилие нового материала, обогащающего наши представления о русском лексическом диалектном фонде: практически каждая карта ЛАРНГ выявляет новые диалектизмы, которых нет даже в таком солидном издании, как СРНГ: ср., например, в частности, такие лексемы, как *лешак*, *лесовик* - карта "**Медведь**"; *голощека*, *прогал*, *прогалина* - карта "**Поляна**"; *берла*, *верлог*, *залезжина*, *лежа* - карта "**Берлога**"; *берества*, *берество*, широко представленные на карте "**Кора березы**"; *вит*, *инега*, *оморозь* - карта "**Иней**" и т.д. Несмотря на интенсивный процесс влияния литературного языка, следствием которого является нивелирование диалектных различий, русские диалекты не утратили своего лексического своеобразия, что особенно ярко проявляется в наличии в них слов, которым в литератур-

ном языке нет однословного эквивалента, а имеются лишь описательные конструкции (см., например, карту **"Густые заросли кустарника"**: *бачажник, густарник, зарастель, кустарщина, палежник, чапарыжник, настельник* и др.).

2. Материалы ЛАРНГ позволяют уточнить ареалы многих диалектных слов, зафиксированных ранее в СРНГ: так, например, на карте **"Белка"** представлена лексема *мышь*, которая фиксируется СРНГ как псковская, между тем как сегодня она сохраняется еще и на Урале. И в этом смысле материал атласа является серьезным дополнением к многочисленным диалектным словарям, иллюстрацией пространственной стратификации огромного пласта диалектной лексики.

3. Любая карта ЛАРНГ, в отличие от диалектного словаря, являет собой лингвогеографическую проекцию целой лексико-семантической группы, которая обычно представлена в разрозненном и далеко не полном виде в отдельных диалектных словарях, а наличие разных мотивационных признаков, четко выявляемых в легенде к каждой карте, дает возможность реально увидеть своеобразие русского языкового сознания в сложном процессе познавательной и классифицирующей деятельности человека (см., например, карты **"Густой лес"** или **"Мертвый лес с засохшими на корню деревьями"**, которые отличает обилие лексем и мотивационных признаков).

4. На лексико-словообразовательных и семантических картах ЛАРНГ у ряда картографируемых слов выявились и новые значения, которые в СРНГ не фиксируются: так, например, на карте **"Молодой лес"** представлены лексемы *дубрава* и *молочник*, которые в этом значении СРНГ не фиксируются; на карте **"Лес, растущий по берегам реки"** представлены лексемы *прибрежник, наберега, бережняг, бережник, береговина*, которые в этом значении в СРНГ отсутствуют; ср. также материалы семантической карты **"Бирюк"**, выявившие целый спектр значений, относящихся к человеку, которых нет в СРНГ (по данным этого словаря слово *бирюк* обозначает 'толстого, крупного человека' (Курск.), а также 'грубого или неповоротливого человека' (Твер.) [СРНГ, 2: 294], в ЛАРНГ же это прозвище и *злого человека, и ленивого и нелюдимого человека, и неразговорчивого, и одинокого, и угрюмого человека* и даже прозвище *богатого человека, живущего без семьи* и т.д. Это множество значений слова *бирюк* в русских диалектах дает возможность проследить развитие его семантики.

5. Материалы карт позволяют уточнить и некоторые этимологии: так, например, на карте **"Мелкая рыба"** встречается лексема *аргаш*, которую М. Фасмер квалифицирует как тюркизм [Фасмер, I: 84], по мнению автора карты С.А. Мызникова, эту лексему, зафиксированную в Балезинском р-не Удмуртии, можно отнести в разряд финно-угорских заимствований (ср. коми *арга* собир. 'мальки').

6. Материалы карт позволяют изучать и диалектную словообразовательную производность: практически каждая карта ЛАРНГ свидетельствует о том, что диалектный язык в этом плане значительно богаче литературного; на картах атласа можно обнаружить такие диалектные словообразовательные модели, которые не отмечены в СРНГ: см., например, карту **"Большой медведь"**, на которой представлено обилие аугментативных словообразовательных моделей (а именно, *ведмедина, ведмедиче, ведмедяга, ведмедяра, ведмедятина, ведмежара, ведмежище, ведмедяк, ведмяк* и др.), отсутствующих в СРНГ; или карту **"Волчий"**, на которой зафиксированы посесивы *бирючачий* и *волчевий*, отсутствующие в СРНГ. Кроме того, уже сейчас материалы ЛАРНГ позволяют внести коррективы в представления о территориальном распределении тех или иных словообразовательных моделей (так, например, материалы карты **"Медведица"** свидетельствуют о том, что суф. *-их-а* не составляет исключительной принадлежности севернорусских говоров, как традиционно считается, но широко распространен и в южнорусских).

7. В Пробном выпуске ЛАРНГ представлены новые типы карт - мотивационные - **"Больной, низкий, кривой нестроевой лес"** и **"Здоровый, высокий, прямой строевой лес"**. Их присутствие является чрезвычайно важным, так как материал обеих карт (при всей его неполноте, вызванной объективными обстоятельствами) дает представление о системности в организации такой семантической сферы русского мак-

рокосма, как лес. Соотношение мотивационных признаков на обеих картах позволило выявить интересную картину их семантической корреляции, а именно: на обеих картах **ведущим** среди **мотивационных признаков** является **функциональный** (ср. в связи с этим замечание автора карты "Больной, низкий, кривой нестроевой лес" В.Н. Гришановой: "Самую большую группу этих названий составляют суффиксальные образования с корнем *дров'/древ-* (ср. *древ'ник, древ'няк, 'дровеник, дрове'ник, дро'венник, 'дровник, дров'ник, дров'няк, дро'вяник, дровя'ник, дро'вянник, дровян'ник, дровя'ной лес, дро'вяный лес*), они называют лес, в котором растут деревья, пригодные лишь для использования в качестве топлива, т.е. годные на дрова"; а также автора карты "Здоровый, высокий, прямой строевой лес" Меркуловой В.И., по наблюдениям которой ведущим мотивационным признаком является также функциональный, актуализируемый либо в общих (родовых) названиях строевого леса (ср. *строе'вик, стро'ёнка, строительный лес*), либо в частных (видовых), ср. *бре'венник, бре'вешник, бре'вянник, бре'веннатый лес* — производные от корня *брев-* с общим значением 'растущий лес, годный на бревна' (Даль II: 126); *изб'няк, изб'няк, изб'няк, изб'няк, изб'ной лес, избя'ной лес* — с корнем *изб-* и общим значением 'строевой, хоромный лес, годный на жилое строение' (Даль II: 10) или 'строевой лес, годный для постройки изб' (СРНГ 12: 99); *мачтовик, манто'вина, ман'товник, 'мачтовый лес* - с корнем *мачт-*, ср. *мач'товник* 'лес на корню, годный на мачты' (СРНГ 18: 56); *судо'лес, судо'вой лес, 'палубник; кора'бельный лес, кора'бельная 'роща* с общим значением 'строевой лес, идущий на строительство судов'), что косвенным образом подтверждает функционально-прагматический характер русского словообразования: словообразовательно маркируется то, что оказывается важным, прагматически значимым для человека.

8. Несмотря на то, что картографируемый материал Пробного выпуска ЛАРНГ покрывает приблизительно 50% всей его территории, предварительный лингвогеографический анализ материалов карт позволил уже на этом этапе выявить некоторые ареалы лексических диалектизмов, образующих противопоставленные лексические различия: так, в частности, материал карты "**Густой лес**" говорит о том, что лексема *займище* характерна в основном для юж.-русс. говоров, тогда как лексема *сузём* - для сев.-русс.; или на карте "**Иней**": лексемы *виш, вишарь* распространены в основном в юж.-русс. говорах, а лексемы с корнем *курж-* {*куржак, куржавень, куржева, куржавина* и др.) - в сев.-русс. и частично ср.-русс. говорах.

Несомненно, что в дальнейшем атлас позволит установить лексический корпус диалектных различий, подобно тому, которым располагает фонетика и морфология.

Системный подход к картографическому освоению диалектной лексики даст возможность для решения еще одной принципиально важной для отечественной диалектологии задачи - составления полного реестра лексических диалектизмов, что позволит заложить фундамент для последующей обобщающей работы по систематизации диалектных различий на уровне лексики и словообразования и создать лексикологию русских народных говоров.

Работа над ЛАРНГ даст, несомненно, толчок рождению новых идей и подходов как в интерпретации картографируемого материала, так и в его графической репрезентации, однако уже сейчас совершенно очевидно, что его материалы будут иметь непреходящее значение для развития русской лингвистической географии.

Хочется надеяться, что эта работа, начатая в XX веке, получит достойное завершение в XXI.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов 1978 - Р.И. Аванесов. Общеславянский лингвистический атлас (1958-1978). Итоги и перспективы // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Загреб-Люблина, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978.
- Атлас... 1957 - Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.

- Бромлей, Булатова 1962 - *СВ. Бромлей, Л.Н. Булатова*. Карты отдельных языковых явлений // Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962.
- Вопросы теории... 1962 - Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р.И. Аванесова, ВТ. Орловой. М., 1962.
- Гриценко 1984 - *П.Ю. Гриценко*. Моделирование системы дидально* лексики. Київ, 1984.
- Даль - *В.И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1862. Т. I-IV.
- ДАРЯ 1996 - Диалектологический атлас русского языка. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат. М., 1996.
- Клепикова 1968 - *Г.П. Клепикова*. Из опыта картографирования славянской лексики (в связи с проблемой семантического микрополя) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1968.
- Клепикова 1974 - *Г.П. Клепикова*. Славянская пастушеская терминология. Ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М., 1974.
- Клепикова 1999 - *Г.П. Клепикова*. К истории изучения славянской диалектной семантики (метод "семантического поля" Н.И. Толстого) // ВЯ. 1999. № 5.
- ЛАРНГ. Проект 1994 - Лексический атлас русских народных говоров. Проект. СПб., 1994.
- ЛЭС - Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Мораховская 1985 - *О.Н. Мораховская*. К вопросу о семантических диалектных различиях // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1985.
- Мораховская 1988 - *О.Н. Мораховская*. Типология диалектных различий лексико-семантического уровня // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1988.
- Мораховская 1994 - *О.Н. Мораховская*. Лексика в атласах русского языка // Лексический атлас русских народных говоров. Проект. СПб., 1994.
- Попов, Азарх, Вендина, Герд, Мораховская, Петрова 1993 - *И.А. Попов, Ю.С. Азарх, Т.Н. Вендина, А.С. Герд, О.Н. Мораховская, З.М. Петрова*. Лексический атлас русских народных говоров в кругу славянских атласов // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, 1993 г. Доклады российской делегации. М., 1993.
- Сороколетов 1978 - *Ф.П. Сороколетов*. Из истории диалектной и исторической лексикологии русского языка // Диалектная лексика. 1975. Л., 1978.
- СРНГ - Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965-2001. Вып. 1-37.
- Толстая 1995 - *СМ. Толстая*. Диалектные ареалы литературных слов // *Dialectologia slavica*. М., 1995.
- Толстой 1963 - *Н.И. Толстой*. Из опытов типологического изучения славянского словарного состава // ВЯ. 1963. № 1.
- Толстой 1969 - *Н.И. Толстой*. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.
- Толстой 1997 - *Н.И. Толстой*. Об изучении полесской лексики // Н.И. Толстой. Избранные труды. Т. I. М., 1997.
- Фасмер - *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка: В 4 тт. М., 1964-1973.